

Нуреев Р.М., д.э.н. (ГУ-ВШЭ),
Латов Ю.В., к.э.н., д.соц.н.
(Академия управления МВД)

БАЛТИЙСКИЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ИСТОРИИ

Проблема взаимоотношений России и Европы – одна из наиболее старых проблем российского обществоведения. Со времен Чаадаева отечественные мыслители мучительно пытаются понять: является ли Россия «особой» Европой? или она вообще не-Европа? если это так, то почему Россия не Европа? может ли она стать Европой? должна ли она к этому стремиться?..

С точки зрения физической географии эти вопросы не имеют смысла: географы считают центром Европы украинские Карпаты, так что вся центральная Россия – это несомненная Европа. Однако с точки зрения социальной географии принадлежность России к европейской цивилизации всегда у всех (и у россиян, и у «нормальных» европейцев) вызвала очень большие сомнения. Один лишь маленький пример: выражение «прорубил окно в Европу», при помощи которого характеризуют получение Россией доступа в Балтийское море при Петре I, определенно свидетельствует, что Россия воспринимается как страна за пределами Европы, отгороженная от нее какой-то толстой стеной.

Чтобы понять, как соотносятся друг с другом современная Россия и современная Европа, необходимо взглянуть на историю их взаимоотношений. Кто правильно понимает прошлое, тот поймет настоящее и предскажет будущее. Поэтому ключом к пониманию проблем взаимоотношений России и Европы мы считаем институциональную экономическую историю – историю, понимаемую как науку о процессах возникновения и развития «правил игры», определяющих отношения между людьми. Только что изданная в Калининграде наша книга «Россия и Европа: эффект колеи (опыт институционального анализа истории экономического развития)»¹ стала нашей попыткой проанализировать глобальную экономическую историю как процесс институциональной конкуренции – *глобальной конкуренции экономических систем и институтов*, в процессе которой происходит отбор (отчасти осознанный, отчасти стихийный) наиболее эффективных путей социально-экономического развития человечества.

Авторы, презентуя читателям «Историко-экономических исследований» свою книгу, хотели бы поделиться лишь одной инновацией.

За рубежом давно уже сформировалась традиция делать учебно-монографические издания не только научно фундированными, но и занимательными. Для этого изложение общих закономерностей «оживляют» при помощи врезок, где эти общие закономерности конкретизируются на примерах занимательных case-study. Тем самым достигается лучшее понимание сложной диалектики общего и особенного. В нашей книге почти в каждую главу были включены в форме врезок «Балтийские истории», в которых рассказывается о ярких, но малоизвестных эпизодах социально-экономической истории стран балтийского региона (Калининградской области, Швеции, Новгорода, Северной Германии). Это связано не только с тем, что наша книга готовилась к изданию в Калининграде, но и с тем, что регион Балтийского моря – это контактная зона России и Европы.

Авторы старались написать книгу таким стилем, чтобы она могла как использоваться в качестве пособия по курсам экономической истории и институциональной экономики, так и читаться в качестве сборника научно-популярных очерков. Чтобы читатели могли оценить, что у нас получилось, мы предлагаем ознакомиться с некоторыми из «Балтийских историй» - подборку историко-экономических эссе, связанных в основном с со-

¹ Нуреев Р.М., Латов Ю.В. Россия и Европа: эффект колеи (опыт институционального анализа истории экономического развития). Калининград: МОНФ, 2010.

циально-экономической историей Швеции.

История первая. Швеция и Речь Посполитая в «испанской» ловушке

Эта история почти напоминает триллер. Впрочем, чего только не могло произойти в Российском государстве в Великую Смуту начала XVII века. Но началась эта история несколько раньше.

В 1587 г. шляхтичи Речи Посполитой избрали своим королем внука основателя шведской королевской династии Густава Вазы. Этот внук имел «типично шведское» имя Сигизмунд, поскольку его матерью была дочь последнего короля из польско-литовской династии Ягеллонов (потомков литовского князя Ягайлы). Сигизмунд Ваза оказался «королем упущенных возможностей». Он имел возможность стать правителем сразу трех стран, объединив Речь Посполитую, Швецию и Московию. Однако вместо этого он на смерть перессорил все эти три великие страны.

В 1592 г. Сигизмунд после смерти своего отца, шведского короля Юхана III, стал законным шведским монархом. К его выборной короне Речи Посполитой добавилась наследственная корона Швеции. Однако усидеть на двух стульях ему не удалось – не в последнюю очередь из-за того, что Сигизмунд был фанатичным католиком, в то время как в Швеции еще его дед провел Реформацию. Хрупкое единство протестантской Швеции и католической Польши окончательно развалил дядя Сигизмунда, герцог Карл, который сначала управлял Швецией от имени законного монарха, находившегося в Польше, а в 1599 г. провозгласил себя королем Карлом IX.

Два монарха из одной династии Ваза стали смертельными врагами. Борьба между дядей и племянником шла с переменным успехом. Их взгляды обратились на Московию, которая могла стать сильным союзником.

Первым предпринял попытку заключения союза с Москвой Карл IX. Однако русский царь Борис Годунов в 1601 г. предложил невыполнимые требования (Швеция должна была отдать Эстляндию). Карл IX отказался. Тогда в пику Швеции Москва заключила двадцатилетнее перемирие с поляками, решив с ними «дружить против шведов».

Русское государство тогда еще владело выходом в Балтику – городами Ивангород, Копорье, Орешек и др. Однако положение в стране было непрочным. Борис Годунов как *избранный* царь казался большинству населения нелегитимным. На этом и сыграла Речь Посполитая. Выбрав «журавля в небе» вместо «синицы в руке», поляки отказались от союза с новорожденной династией Годуновых и поддержали в 1604 г. Лжедмитрия I, выдававшего себя за сына Ивана Грозного.

Но в 1606 г. Лжедмитрий I был убит и царем России стал Василий Шуйский. Теперь удачный шанс выпал Швеции. Поскольку власть уходила у него из рук, Василий Шуйский обратился за помощью к Карлу IX, чтобы шведы помогли выдворить поляков из Московии.

Когда в феврале 1609 г. в Выборге встретились для переговоров русское и шведское посольство, Василий Шуйский из крупных городов контролировал лишь Москву, Смоленск и Великий Новгород. Шведы послали на

помощь Шуйскому 5 тысяч воинов (2 тысячи конницы и 3 тысячи пехоты) во главе с юным (27-летним!) генералом Якобом Делагарди. Содержание этого корпуса во время его пребывания в Московии возлагалось на русскую сторону. В обмен на «ограниченный контингент интернациональной помощи» русские отказывались от притязаний на Ливонию. Шведы обязались передавать Шуйскому все отбитые у поляков и Лжедмитрия II города. В Великом Новгороде к шведским наёмникам добавился пятитысячный отряд 23-летнего новгородского воеводы Скопина-Шуйского.

Узнав, что русский царь стал союзником шведов, Сигизмунд объявил войну Шуйскому и пошёл в поход на Россию, осадив Смоленск.

Почти год войско двух молодых полководцев, Делагарди и Скопина-Шуйского, очищало страну от поляков и мятежников. Когда 12 марта 1610 г. под звон колоколов оно вступило в Москву, то Скопин-Шуйский приобрёл настолько большую популярность, что его стали прочить новым царём. Это напугало окружение Василия Шуйского, Скопин-Шуйский вскоре был отправлен на торжественном пиру.

Последствия не заставили себя долго ждать: объединённые шведско-русские войска потерпели при Клушине в 1610 г. унижительное поражение от поляков. Делагарди ничего не оставалось, как принять условия командующего польским войском Станислава Жолкевского – покинуть Московию и не воевать против Речи Посполитой.

Понимая, что дни Василия Шуйского сочтены, Делагарди начинает играть собственную игру. В результате польской оккупации Русского государства Швеция рисковала оказаться буквально в «кольце фронтов». Чтобы воспрепятствовать воцарению сына польского короля (принца Владислава) на русском престоле, Делагарди решил предложить альтернативного кандидата на московский престол. Им могли стать шведские принцы Густав Адольф (будущий знаменитый король-воитель) или Карл Филипп.

У наследного шведского принца Густава Адольфа – как прежде у Сигизмунда – появилась реальная возможность стать королём двух государств, Московии и Швеции. Однако он отказался от «журавля в небе». Реальным кандидатом оставался только младший сын шведского короля, Карл Филипп. Любопытно, что московиты на первых порах восприняли «шведскую альтернативу» положительно – ведь Лжедмитрия II к этому времени уже убили татары, а в московском Кремле ещё сидели поляки. Вступив в 1611 г. в Новгород, Делагарди добился, что не только Новгород, но и другие города русского севера (Вологда, Каргополь, Ладога и др.) присягнули младшему сыну Карла IX, 11-летнему Карлу Филиппу. Однако большинство городов не хотели признавать его заочно и готовы были сделать это после того, как он пересечёт русскую границу. Но долгожданный шведский принц в Москву никак не ехал.

В 1611 г. Карл IX умер и на шведский престол вступил Густав Адольф. Вдова Карла IX Кристина не хотела отпускать младшего сына в разоренную Московию и под различными предлогами откладывала его отъезд. Когда же, наконец, 9 июля 1613 г. юный принц всё-таки прибыл в пограничный швед-

ский город Выборг, то «поезд уже ушел». Еще в феврале 1613 г. русским царем московиты выбрали «своего» Михаила Романова, «чужой» принц им был уже не нужен. «Второе призвание варягов» не состоялось. Оскорблённый принц со своей свитой покинул Выборг. Началась месть, шведы из бывших союзников превратились в откровенных оккупантов. Новгород подвергся страшному разорению, в нем осталось лишь несколько сотен жителей.

23 февраля 1617 г. правительством Михаила Романова был подписан Столбовский мирный договор, в результате которого к Швеции кроме Кексгольма (обещанного за участие в «освободительном походе») отошли ещё города Ивангород, Ям, Копорье и Орешек. Делагарди умудрился получить выгоду для Швеции и от помощи московитам, и от войны с ними.

Русское государство оказалось почти на сто лет отрезанным от Балтики, которая фактически превратилась во внутреннее шведское море. Это произошло в период меркантилизма, когда именно внешняя торговля являлась главным источником доходов западноевропейских государств, важнейшей предпосылкой первоначального накопления капитала. В результате Швеция была обречена на череду войн с Московским царством, пока Петр I во время Северной войны не «прорубил окно» в Европу и не положил конец «шведскому веку».

Польский король Сигизмунд Ваза подписал мирный договор с Москвией (Деулинское перемирие) чуть позже шведов – в декабре 1618 г. «Добычей» этого шведа на польском престоле оказались смоленские, черниговские и северские земли. После этого Русское государство стало злейшим врагом Речи Посполитой и, в конце концов (уже при Екатерине II), – ее могильщиком.

Перестав разыгрывать «русскую карту», Швеция и Речь Посполитая на протяжении всего XVII в. вели друг с другом ожесточенные войны (вспомним «Потоп» Г. Сенкевича), которые сильно обескровили оба государства. Эти страны попали в ту же ловушку, что и Испания, пытавшаяся в XVI-XVII вв. силой насаждать свои институты в других странах Европы и растратившая в итоге свои ресурсы на бесплодные войны. Швеция и Речь Посполитая, управляемые разными ветвями династии Ваза, тоже выбрали экстенсивный путь развития – путем расширения территории в ходе завоевательных войн. Этот путь не столько помогал, сколько мешал генезису капитализма.

История вторая. Русская Финляндия vs. шведская Норвегия

Для оценки степени отсталости России от Европы в новое время можно использовать нетривиальный прием, основанный на некоторых особенностях политического развития стран балтийского региона в этот исторический период.

В самом начале XIX в. в Скандинавии было только два государства: Финляндия была частью Шведского королевства, а Норвегия – частью Датского. Одной из последних войн, в которых Швеция «по-настоящему» воевала, стала русско-шведская война 1808-1809 гг., закончившаяся очередным поражением шведов и присоединением Финляндии к России. Однако вскоре

после этой неудачи Швеции сильно повезло. Ставший королем Швеции французский генерал Карл Бернадот на финальной стадии наполеоновских войн, когда Швеция воевала на стороне противников Наполеона, смог так «надавить» на Данию, союзницу Франции, что та без боя отдала Норвегию Швеции. И только в начале XX в. в Скандинавии образовалась привычная нам конфигурация государств: в 1905 г. Норвегия после общенародного референдума отделилась от Швеции, а в 1917 г. Советская Россия признала независимость Финляндии.

Когда одна страна захватывает другую, то она начинает контролировать ее социально-экономическое развитие – ускорять его или тормозить. По тому, как разные страны-метрополии влияют на зависимые от них страны (конечно, в долгосрочном периоде), можно делать вывод о том, в какой степени страна-захватчик является «прогрессором». Скажем, в XIX – первой половине XX вв. влияние Франции на Алжир или Вьетнам было гораздо более прогрессивным, чем Португалии на Анголу или Мозамбик, и поэтому Францию того времени следует считать прогрессивнее Португалии (по крайней мере, с точки зрения роли этих стран в капиталистической мир-системе).

Исходя из этих соображений, сравним динамику среднедушевого ВВП в странах балтийского региона за 1820-1913 гг. – этот период примерно совпадает с периодом вхождения Финляндии в состав Российской империи (1809-1917 гг.) и Норвегии в состав Шведского королевства (1814-1905 гг.).

Таблица 1

Экономический рост в странах балтийского региона в 1820-1913 гг.

Страны	Среднедушевой ВВП, в долл. 1990 г.		Рост за период
	1820 г.	1913 г.	
Шведское королевство			
Швеция	1.198	3.096	в 2,58 раза
Норвегия	1.104	2.501	в 2,27 раза
Российская империя			
Россия*	689	1.488	в 2,16 раза
Финляндия	781	2.111	в 2,70 раза

* У Мэддисона – бывший СССР.

Составлено по: Maddison A. The World Economy: Historical Statistics. OECD, 2003. P. 264.

Результат получился (см. Табл. 1) несколько неожиданным: экономический рост русской Финляндии заметно превосходит экономический рост шведской Норвегии и даже самой Швеции. Если Швеция создавала зависимой от нее Норвегии такие условия, что Норвегия *отставала* от Швеции, то в Российской империи Финляндия *обгоняла* собственно Россию. Правда, если шведы присоединили в начале XIX в. заметно менее развитую страну, то россияне – несколько более развитую, чем их собственная страна.

Наше сравнение позволяет сделать парадоксальный вывод: хотя Российская империя развивалась хуже (медленнее) «нормальных» европейских стран, однако функцию прогрессивного влияния на другие страны Россия выполняла во многом лучше Европы. Помимо сопоставления Финляндии и

Норвегии этот вывод можно подтвердить и многими другими примерами – например, сравнить Индию под «либеральным» британским владычеством и какой-нибудь Азербайджан под «ужасным игом» Российской империи.

Таким образом, у граждан современной Финляндии нет причин обижаться на «деспотизм» царской России (по крайней мере, с экономической точки зрения). Статистика показывает, что если бы Финляндия осталась в составе Швеции, то ее экономический рост, скорее всего, был бы более медленным – либо как в Норвегии, либо (в лучшем случае) как в самой Швеции.

Полушутя можно добавить, что Российская империя даже в наши дни помогает развитию Финляндии. Как известно, один из важнейших двигателей современной мировой экономики – это туризм. С этой точки зрения Финляндия не слишком привлекательна: для пляжного отдыха здесь холодно, а крепости и замки, на которые жаждут полюбоваться любители «интеллектуального» отдыха, расположены в отдалении от столицы страны, Хельсинки, и потому мало доступны. Однако Хельсинки славится крепостью Суоменлинна, расположенной на группе островов напротив столицы и внесенный в список памятников всемирного наследия ЮНЕСКО. Эта самая Суоменлинна – не что иное как Свеаборг, знаменитая база российского Балтийского флота. Хотя основана эта величественная крепость была еще шведами (которые сдали ее русским войскам в 1808 г. почти без боя), современные бастионы относятся в основном к XIX – началу XX вв. Ну на что бы еще любовались приезжающие в Хельсинки поклонники культурно-исторического туризма, если бы здесь не поработали «русские колонизаторы»?

История третья. Дойчмарки для марксистской диктатуры?

У проблемы оценки роли экономических факторов в исходе Первой мировой войны есть один интересный аспект – конспирологический. Речь идет об использовании Германией в 1917 г. финансирования российских революционеров (прежде всего, большевиков во главе с В.И. Лениным) для свержения законного Временного правительства, верного союзникам по Антанте, и ликвидации Восточного фронта.

Проблема «немецких денег для русской революции» обсуждается уже более 90 лет, и обсуждение это далеко не завершено². Объект дискуссии (предполагаемая трактовка российских большевиков как платных наймитов Германии и предателей своей страны) остается слишком злободневным, чтобы вопрос перешел в сферу чисто научного дискурса. Давно нет той Германии и той России. Однако есть такие коммунисты, которые считают себя преемниками «ленинской гвардии», а также такие либералы и «русские патриоты», которые считают антикоммунизм обязательным элементом своей идеологии.

² См., например: Бьёркегрен Х. Скандинавский транзит. Российские революционеры в Скандинавии. 1906-1917. М.: «Омега», 2008; Соболев Г.Л. Тайный союзник. Русская революция и Германия. 1914-1918. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2009.

Если отвлечься от предположений и гипотез, то сухой остаток выглядит так.

Прежде всего, не вызывает сомнений заинтересованность Германии в финансировании каких угодно политических сил, которые бы помогли им переломить ход Первой мировой войны. Точно известно, например, что ирландские патриоты, боровшиеся за независимость от Великобритании, пользовались активной поддержкой немцев. В апреле 1916 г. в Дублине вспыхнуло национально-освободительное восстание; однако поскольку англичане смогли схватить и казнить лидера заговорщиков Роджера Каземента (он приехал даже не в «пломбированном вагоне», а на германской подводной лодке), ирландские революционеры не скоординировали с немцами свои планы и потерпели провал. Учитывая неудачу в Ирландии, немцы должны были действовать в России более тонко.

Точно известно, что были люди – прежде всего, называют немецкого социал-демократа и предпринимателя И.Л. Гельфанда (Парвуса), – которые хотели и могли сыграть роль финансовых посредников между Германией и русскими большевиками. Здесь надо обратить внимание на особую роль нейтральной Швеции в Первой мировой. Мало известно, что в годы войны Германия и Россия, будучи противниками, продолжали торговать друг с другом. Фирмы-посредники использовали нейтральный статус Швеции и получали огромные доходы, совершая полузаконные спекуляции. Через шведский банк «Ниа Банкен» весной 1917 г. фирма Гельфанда/Парвуса переводила в Петроград деньги, где они использовались отчасти на обычный бизнес (торговля продовольствием, медикаментами и т.д. – возможно, ради прикрытия), а отчасти, предположительно, передавались большевикам. Точных подтверждений этих передач не обнаружено ни в России (хотя следователи Временного правительства очень старались в июле-августе 1917 г. найти доказательства), ни в Германии (архивы Военного министерства и разведки Германии уничтожены в конце войны).

Во время следствия летом 1917 г. сотрудникам Гельфанда/Парвуса не удалось отчитаться за сумму в 750 тыс. рублей. Позже, в 1921 г., немецкий социал-демократ Э. Бернштейн писал, что Ленин получил от кайзеровской Германии огромные ассигнования – порядка 50 млн. золотых марок. Однако при анализе доходов и расходов большевиков в период между Февралем и Октябрем никому из исследователей пока не удалось доказать наличие в их бюджете крупных «белых пятен». У большевиков были большие расходы на агитационные материалы (газеты, листовки и др.), однако они определенно в значительной степени покрывались доходом от продажи газет и легальными взносами.

Видимо, «немецкие деньги» все же были, но играли далеко не самую главную роль в бюджете ленинской партии. Хотя немцы могли считать Октябрьскую революцию своим крупным достижением, она произошла бы, почти наверняка, и без «скандинавского транзита». Следует учитывать к тому же, что «немецкие деньги» сталкивались в России с «деньгами Антанты». Так, Е.К. Брешко-Брешковская, видная деятельница партии эсеров, признава-

ла, что получила весной 1917 г. от американцев «на просвещение» более 2 млн. рублей. На политическое влияние эсеров, однако, эти деньги вряд ли повлияли. Исход событий 1917 г. определялся совсем не соотношением финансовых потоков от спонсоров.

Фактом является то, что после заключенного большевиками Брестского мира в марте 1918 г. немцам удалось ликвидировать Восточный фронт. С оккупированных территорий Украины в Германию пошли эшелоны с продуктами, которые отсрочили экономический крах Германии.

Однако использовать ликвидацию Восточного фронта для победы на Западном фронте Центральным державам не удалось – вышедшую из войны Россию быстро заменили Соединенные Штаты. Поражение Германии осенью 1918 г. обесценило и выигрыш в России весной 1918 г., поскольку кабальные условия Брестского мира оказались аннулированными. Российские революционеры к тому же оказали сильное влияние на рост революционных настроений в Германии и Австро-Венгрии (что стало одним из факторов поражения Центральных держав), достойно «отплатив» своим спонсорам. Российские репарации (в сентябре 1918 г. большевики отдали немцам 93,5 т золота на 120 млн. рублей) Германия использовать не успела, русское золото досталось в конце концов Франции.

Очень похоже на то, что, помогая Ленину вернуться в Россию и придти к власти, немцы в конечном счете обманули сами себя.

История четвертая. Скромное обаяние скандинавской социал-демократии

Крушение советской экономической модели больно ударило по всем левым силам, как бы критически они не относились к «реальному социализму» в СССР. На волне «либеральной контрреволюции» разгромной критике подвергали не только каких-нибудь кубинских коммунистов, но и шведских социал-демократов. В нашей стране тогда большой интерес вызвала книга шведского либерального экономиста Свена-Отто Литторина³, где доказывалось, что шведский «функциональный социализм» совершенно не эффективен и должен быть побыстрее демонтирован. Позже до россиян дошла изданная за рубежом тоже в последние годы существования СССР книга американского социолога А. Карлсона⁴, где шведский опыт также критикуется как безудержный этатизм, разрушающий семью ради государства-Левиафана. Может быть, действительно, шведская социалистическая экономическая модель, созданная социал-демократами, так же мертва, как и советская социалистическая модель, созданная коммунистами? Может быть, шведская модель обречена на демонтаж и замену гораздо более либеральной моделью?

³ Литторин С.-О. Крушение социалистического мифа: расцвет и упадок государства благосостояния в Швеции. М.-Минск, 1991.

⁴ Карлсон А. Шведский эксперимент в семейной политике. Мюрдаль и межвоенный демографический кризис. ИРИСЭН, Мысль, 2009.

Отвлечемся от эмоций и идеологических предубеждений, посмотрим на беспристрастную статистику.

Прежде всего, надо иметь в виду, что сводить «функциональный социализм» к одной только Швеции не вполне корректно. Во второй половине XX в. сложилась скандинавская региональная модель экономики, где Швеция выступает, в некотором смысле, «маяком» для всех скандинавских стран. Чтобы выяснить жизнеспособность «функционального социализма», лучше рассматривать не одну Швецию, а все четыре скандинавские страны, объединенные некоторыми общими чертами – прежде всего, относительно высокими налогами и сильной социальной политикой, которую проводят социал-демократические политические силы⁵.

Таблица 2

Среднегодовой экономический прирост в различных моделях смешанной экономики, 1990-2000-е гг., %

Экономические модели	1960/1990	1990/1995	1995/2005	2005/2008
Англо-саксонская модель (Европа)	2,6%	2,7%	3,1%	3,0%
Скандинавская модель	3,4%	2,5% ¹	2,8%	2,8%
Континентальная модель	3,5%	1,7% ²	1,6%	1,7%
Средиземноморская модель	4,6%	2,9%	3,5%	3,5%
Западная Европа (15 стран)	3,4%	2,0%	2,2%	2,3%
Англо-саксонская модель (за пределами Европы)	3,6%	3,0%	3,3%	3,1%
США	3,5%	3,0%	3,3%	3,1%

¹ Все между 2,0% и 2,2%, несмотря на кризис 1991/92; Норвегия 3,2%

² Германия 1,7%, Франция 1,9%, Италия 1,3%; малые страны 2+%

Источник: Aiginger K. The Ability to Adapt: Why It Differs Between The Scandinavian And Continental Model // The 10th bi-annual EACES Conference. Moscow, 2008.

Таблица 3

Макроэкономические различия стран Западной Европы (2008 г.)

Экономическая модель	Безработица	Уровень занятости	Дефицит бюджета
Англо-саксонская модель (Европа)	5,4%	71,8%	-3,3%
Скандинавская модель	4,0%	77,2%	+2,5%
Континентальная модель	7,1%	67,7%	-1,6%
Средиземноморская модель	9,0%	67,1%	-0,2%
Западная Европа (15 стран)	6,8%	68,9%	-1,2%
Англо-саксонская модель (за пределами Европы)	5,4%	72,4%	-5,1%
США	5,4%	72,2%	-5,1%

Источник: Aiginger K. The Ability to Adapt: Why It Differs Between The Scandinavian And Continental Model // The 10th bi-annual EACES Conference. Moscow, 2008.

⁵ Норвежская рабочая партия возглавляла правительство страны непрерывно с 1928 по 1981 г.; шведская Социал-демократическая рабочая партия – с 1932 по 1976 г.; Социал-демократическая партия Финляндии в послевоенный период стала ведущей политической партией страны; Социал-демократическая партия Дании является одной из ведущих партий. Правда, в 1970-1980-е гг. все эти партии были потеснены либералами, но их сильное влияние сохраняется и в наши дни.

Согласно статистическим данным за 1990-2000-е гг. (см. Таблицы 2, 3), скандинавская модель по темпам экономического прироста немного отстает от европейской англо-саксонской модели, зато сильно обгоняет континентальную модель. Безработица в Скандинавии – самая низкая в Европе, а уровень занятости – самый высокий. Все прочие региональные модели экономики (и Западная Европа в целом) страдают от бюджетного дефицита, в то время как в странах скандинавской модели – профицит. Значительный дефицит бюджета в странах с англо-саксонской и прочими моделями экономического развития означает, что текущие экономические проблемы решаются за счёт доходов будущих поколений. Страны Скандинавии этим не страдают.

Если рассмотреть, как менялись различия экономик стран скандинавской и континентальной моделей за последние полвека, то обнаруживается, как не странно, что эти различия, как правило, не уменьшаются, а увеличиваются. Правда, уровень налогов в скандинавских странах за последние два десятилетия заметно понизился и сблизился с уровнем континентальных стран. Зато по уровню безработицы в 1980-2000-е гг. скандинавские страны демонстрируют гораздо более низкие показатели, в сравнении с уровнем других европейских стран, чем это было в 1960-1970-е гг. (см. Рис.). Растет в последние десятилетия и разрыв по качеству исполнения бюджета.

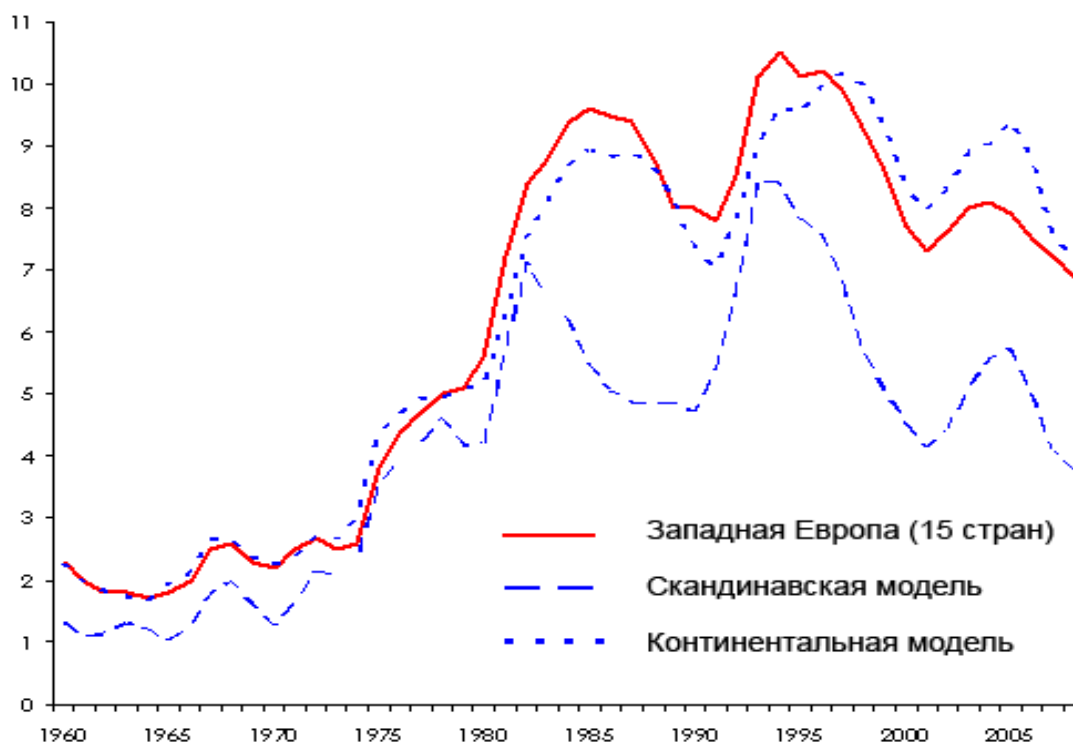

Рис. Динамика уровня безработицы в скандинавской и континентальной моделях в 1960-2000-е гг.

Источник: Aiginger K. The Ability to Adapt: Why It Differs Between The Scandinavian And Continental Model // The 10th bi-annual EACES Conference. Moscow, 2008.

Следует констатировать, что скандинавские страны практически по всем параметрам оказались лучше подготовлены к переменам и показали лучшие результаты, чем континентальная Европа. Традиционный «недоста-

ток» скандинавских стран, связанный с повышенной ролью государственного регулирования, оказался в условиях глобализации экономики существенным достоинством, а более либеральные модели продемонстрировали меньшую эффективность. Одним словом, загнать «клячу истории», как призывал Маяковский, скандинавским социал-демократам, конечно, не удалось, но они определенно смогли ее немного «пришпорить».

Высокие темпы роста и прочие успехи скандинавской модели в последние десятилетия стали большой неожиданностью для ее либеральных критиков. Тот самый Свен-Отто Литорин, который в 1980-е гг. так убедительно развенчивал «государство благосостояния в Швеции», в 2000-е гг. «сменил гнев на милость» и стал не более не менее как министром труда в Швеции. Теперь он по долгу службы спасает «социалистический миф» от крушения. И тут случайно обнаружилась прелюбопытная деталь: оказывается, почтенный шведский либерал фактически не имеет высшего образования. Он по существу купил себе магистерскую степень в американском университете Fairfax, где университетское руководство, как выяснилось, буквально торговало магистерскими и докторскими званиями⁶. Увы, горячие приверженцы либеральной англо-саксонской модели и в Швеции, и у нас в России иногда любят ее совсем не за экономическую эффективность...

⁶ См., например: Севастьянов Д. Кабинет министров-ловкачей (2007) (<http://www.kp.kg/daily/23979/74477>).